

GERMANO-AVSTRIYSKIE OTNOShENIYA I PROBLEMA MIRA (MART – APREL' 1917 g.)

Февральская революция в России вызвала острые разногласия в руководящей элите кайзеровской Германии. Кайзер, канцлер и военные заняли собственные позиции по вопросам военных целей, сроков окончания войны и отношения к главному военному партнеру – Австро-Венгрии. В статье подчеркивается, что Германии удалось склонить Габсбургскую империю к своему варианту продолжения войны (Крейцнахская программа), а меморандум Чернина, который поддерживал император Карл, был дезавуирован.

Ключевые слова: Кайзеровская империя, меморандум Чернина, Крейцнахская программа, сепаратный мир, Февральская революция, германо-австрийские отношения, соперничество, Балканы, Польша, мир без аннексий и контрибуций.

Февральская революция в России, пока США не вступили в войну, давала воюющим государствам выгодный политический шанс прекратить бессмысленную бойню, которым не пожелали воспользоваться руководящие элиты. Император Австро-Венгрии Карл и его влиятельная супруга хотели противостоять Германии, но здесь было не все просто. Австрия глубоко зависела от Пруссии, и Карл считал, что продолжать войну все-таки следует на стороне Германии.

Министр иностранных дел Австро-Венгрии Чернин разделял мнение, что монархия нуждается в мире, он не питал иллюзий относительно ее слабости. До сих пор Германия и Австро-Венгрия имели равные возможности на оккупированных землях на Востоке: Германия в Польше, Австро-Венгрия – на Балканах, хотя «русская» Польша была предметом нескончаемых споров и конфликтов между союзниками. Гинденбург и Людендорф планировали против Австро-Венгрии войну в случае, если Польша должна будет отойти к Габсбургам [1, с. 317].

Чернин в этом поле напряженности постоянно гарантировал лояльность по отношению к Германии. Супружеская пара Габсбургов вела себя иным образом. В марте 1917 г. Карл неофициально вступил в переговоры с Францией о возможности мира, используя связи шурина Сикстуса из Пармы. Эту связь с вражеским лагерем император Карл решил использовать на свой страх и риск, будучи дилетантом в дипломатии [2, с. 454–456]. Принц Сикстус одобрительно принял политическую роль, которая ему предназначалась, хотя он не имел никаких полномочий для ведения переговоров. В случае установ-

* © Садовая Г.М., 2010

Садовая Галина Михайловна (denis@mdc.samara.ru), кафедра зарубежной истории Самарского государственного университета, 443011, Россия, Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ления связей он должен был знать условия мира, которые потом образовали бы предмет переговоров. Среди них были возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, восстановление Бельгии и Сербии, нейтралитет центральных держав по вопросу Константинополя. Итальянские и румынские требования должны быть вынесены за скобки. Эти намерения кажутся очень наивными, пишет немецкий историк Кильмансег, так как австрийская сторона территориальные требования, направленные против нее, просто отодвинула в сторону. Чернин, не зная о тайной дипломатии Карла, думал, что речь идет о Французской инициативе, и сформулировал контрусловия: он высказался за восстановление Бельгии и Сербии, но с определенными ограничениями, а также объявил свое согласие на возвращение Эльзаса и Лотарингии в случае, если Германия для этого готова [3, с. 483].

Французское правительство сомневалось в Австрии, а переговоры о мире с Германией оно считало невозможными и нежелательными [4, р. 318–319]. Первый случай повлиять на Германию в смысле австрийских предложений представился во время визита Бетман-Гольвега в Вену 16 марта 1917 г. В обоснование своей инициативы Чернин открыл своему собеседнику истинное положение Австрии – она не может продолжать войну позже осени. У Австрии не остается выбора, кроме как схватить руку, предложенную Францией. Чернин не утаил, что для успеха переговоров необходимы уступки Германии в вопросе Эльзаса–Лотарингии. Бетман-Гольвег категорично отклонил вопрос об Эльзасе–Лотарингии, считая его вопросом национального единства и величия Германии [3, с. 484–486]. Чернина не разочаровало, что он не продвинулся в переговорах с Германией, он еще больше утвердился в мысли перекинуться на Запад. Ключ к миру, как считал Чернин, лежит на Западе. Германия должна восстановить Бельгию и совершенно или частично отказаться от земель, непосредственно управляемых императором (читай – Эльзас и Лотарингия). Нерешенным между Австрией и Германией оставался вопрос о Польше: Чернин был готов разорвать согласованное решение по Польше (создание Польского королевства с собственной армией), если Германия не пойдет на уступки в вопросе Эльзаса и Лотарингии [3, с. 486]. Кильмансег считает, что западные державы всерьез не думали о сепаратном мире. Единственный выход, который они могли предложить Австро-Венгрии – радикальный разрыв с Германией и одновременно капитуляцию перед Италией [3, с. 487].

Со своей стороны канцлер Германии призывал сделать политические выводы из изменившихся условий войны. Это вызвало сопротивление в старой Пруссии. Бетман стоял перед выбором: либо сохранить союз с Австро-Венгрией, либо потерять выгодный мир с Россией на условиях, невыгодных для Австрии. Третьего было не дано, потому что уничтожить Россию как политическую и военную державу было утопично [5, с. 312]. Немецкий историк В. Штеглих считает позицию канцлера по военным целям трудно определяемой ввиду множества противоречий в имеющихся источниках [6, с. 31–32].

Перед германским руководством в связи с русской революцией стояли два пути: либо революционизирование России, либо подписание с ней сепаратного мира. Брокдорф-Ранцау (известный и влиятельный дипломат) проанализировал ситуацию и пришел к выводу: если Германия не в состоянии до

конца этого года продолжать войну с видами на успех, то она должна сблизиться с умеренными партиями в России, «создать невообразимый хаос» и «благоприятствовать экстремистским элементам». «Три месяца будет достаточно, чтобы развал зашел далеко, это будет гарантировать наше военное вмешательство для сокрушения русской силы» [5, s. 306–307].

Вопрос об аннексиях стоял в центре первых переговоров (уже через две недели после начала революции в России). Русский госсоветник Йозеф фон Кольшко 26 марта 1917 г. вел переговоры с Эрцбергером, который доложил Бетман-Гольвегу, что в интересах Кольшко было заключить мир, потому что он, как и Ленин, считал, что вопрос о мире – решающий для внутривнутриполитического положения России. Без мира, предостерегал он, либеральное правительство будет свергнуто слева, а это означает хаос.

Эрцбергер совещался с канцлером – в какой форме дать ответ русским на их косвенные предложения о мире. Эрцбергер настаивал на форме открытого письма кайзера к канцлеру, чтобы укрепить позицию обоих перед общественностью. Кайзер рекомендовал избрать неофициальный путь и через прессу продолжать зондирование. Людендорф (1-й генерал-квартирмейстер) присоединился к мнению кайзера [5, s. 313].

Людендорф сформулировал свои требования: наряду с предложением перемирия от трех до четырех недель, признания невмешательства во внутренние дела России и предложения об урегулировании Дарданелльского и Европейских вопросов наибольшее значение получали 2 пункта: четвертый – о финансовой поддержке восстановления России и оживления экономических отношений без военных возмещений, но исправление границ, где Германия имеет интерес: Литва и Курляндия. В пятом пункте Людендорф предлагал сделать Польшу независимым государством [2, s. 492; 5, s. 320].

Чернин 12 апреля 1917 г. направил кайзеру Карлу знаменитый меморандум, который немедленно был переправлен Вильгельму II. Меморандум начинался ошеломляюще: «Военная сила Дунайской монархии подошла к концу». Ввиду полного исчерпания сил материальных и людских резервов, хронического голода, отчаяния масс и влияния русской революции на славян Габсбургской империи австро-венгерский министр иностранных дел предсказывал в недалеком будущем революцию рабочих и подъем национального движения. Защитник монархической системы считал, что «лучше плохой монархический мир, чем крушение старого государственного и общественного порядка» [7, s. 374]. «Если монархи центральных держав не в состоянии в следующие месяцы заключить мир, тогда народы сделают это через их головы, тогда волны революционных событий сметут все, за что наши братья и сыновья еще сегодня борются и умирают» [7, s. 375]. Он шел в своем желании к миру так далеко, что заявил следующее: Австро-Венгрия согласна взять на себя тяжелые территориальные жертвы, чтобы достичь мира. Война может продолжаться только до осени 1917 г. Кайзер Карл просил Вильгельма II не пренебрегать «рефлексиями» Чернина: «Мы боремся против нового врага, который опаснее, чем Антанта: против международной революции». В Германии этот меморандум расценили как выражение нервного срыва министра иностранных дел [5, s. 294].

Австрийский кайзер Карл настаивал на том, чтобы Германия дала ясный ответ о своей готовности к миру на основе status quo. Он открыто высказал:

«Особенно ненемецкое большинство моей империи не хочет понимать, почему мы не заканчиваем войну. Пока люди верили, что не в нашей власти окончить войну, они отдавались судьбе; но теперь им вбивают в голову, что возможность закончить войну с Россией налицо, и что требования Германии делают невозможным исключение России» [5, s. 302]. Карл призывал к миру с Россией «любой ценой», благодаря чему Восточный фронт так разгрузится, что немецкие части могут быть переброшены на Запад. «Мир с Россией – вот ключ к решению ситуации».

Под давлением Австро-Венгерской позиции Германия сделала официальное заявление, что она готова к миру с Россией при отказе от аннексий и контрибуций. Тем самым немецкое имперское руководство хотело отвести упрек, что оно своей позицией препятствует миру [5, s. 303]. Окончательная позиция Чернина имела попытку подвигнуть правительство Бетмана к уступкам на Востоке. Однако Германия не была готова ограничить военные цели на Востоке и отказаться от них на Западе.

Результатом стала конференция в главной квартире имперского руководства и ОХЛ (Бад-Крейцнах). ОХЛ и политические правые обосновали необходимость позитивных военных целей тем, что государственный и общественный порядок могут быть спасены только в результате победоносной войны, а мир на основе status quo ante поколебал бы внутривнутриполитическое соотношение сил [5, s. 272].

В прусском правительстве Бетман-Гольвег доказывал, что аннексионистская политика старого стиля после русской революции невозможна [3, s. 501–502]. Военные были согласны только с программой автономии и навязали свое мнение, что ввиду возможности переговоров с Россией Германия и Австро-Венгрия должны выставить связную программу военных целей [5, s. 317; 3, s. 502].

Вильгельм II, крайне раздраженный канцлером, который не сумел удержать США от вступления в войну, сам набросал меморандум военных целей. Протокол Крейцнахской конференции стал известен только после войны, но сразу был спрятан как документ, изобличающий аннексионистскую волю милитаристов [5, s. 290]. Неожиданно Бетман-Гольвег отказался от всякой дискуссии с ОХЛ и подписал Крейцнахскую программу, хотя не считал возможным ни ее осуществление, ни ее желательность. Позже он утверждал, что его подпись ничего не значила [3, s. 503]. Все немецкие историки единодушно утверждают, что к этому времени Людендорф и Гинденбург абсолютно подчинили себе кайзера, лишив канцлера возможности влиять на принятие решений [8, s. XIV; 9, s. 53–54]. Г. Риттер утверждает, что Бетман-Гольвег не участвовал в составлении протокола, этот документ – полностью продукт ОХЛ [2, s. 511]. Крейцнахскую программу в середине мая Австро-Венгрия вынужденно приняла, и на время противоречия союзников были сняты.

Библиографический список

1. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / пер. с 5-го немецкого изд.; под ред. А. Свечина. Т. 1. Высший военный редакционный совет. М.: Госиздат, 1923.

2. Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Das Problem des «Militarismus» in Deutschland. Die Tragödie der Staatskunst Bethmann Hollweg als Kriegskanzler (1914–1917). München, 1964.
3. Kielmansegg P. Graf. Deutschland und der Erste Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1968.
4. L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives l' Office allemande des Affaires étrangères Andre Scherer et Jacques Grunewald (9 novembre 1917–3 mars 1918). Paris, 1976. Bd. III.
5. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf: Droste Verlag, 2000.
6. Steglich W. Bündnissicherung oder Verständigungsfrieden. Untersuchungen zu dem Friedensangebot der Mittelmächte vom 12. Dezember 1916. Güttingen; Berlin; Frankfurt am Main, 1958.
7. Klein F. Deutschland von 1897/98 bis 1917. Berlin, 1977.
8. Der Interfraktionelle Ausschuss 1917/18. Bearbeitet von Erich Matthias unter Mitwirkung von Rudolf Morsey. Düsseldorf, 1959.
9. Fischer F. Bündniss der Eliten. Düsseldorf, 1979.

*G.M. Sadovaya**

THE GERMAN-AUSTRIAN RELATIONS AND PROBLEM OF PEACE (MARCH – APRIL 1917)

February revolution in Russia has caused sharp disagreements in the supervising elite of Kaiser Germany. The Kaiser, the Chancellor and military authorities have taken their own positions concerning the military purposes, termination of war and the attitude to the main military partner – Austria-Hungary. In this article it is emphasized that Germany has managed to incline Gabsburg empire to their own variant of the war continuation (Kreuznach program). Memorandum of Chernin, which was supported by emperor Karl, has been disavowed.

Key words: Kaiser empire, Chernin memorandum, Kreuznach program, the separate peace, February revolution, the German-Austrian relations, rivalry, the Balkans, Poland, the world without annexations or indemnities

* *Sadovaya Galina Mihailovna* (denis@mdc.samara.ru), the Dept. of Foreign History, Samara State University, Samara, 443011, Russia.